

Игорь Корниенко

Месопотамия

Рассказ

Стены, как люди, — уют любят. И чтобы покрасившее, понаряднее, в узор или цветочек... Верила, бубнила под нос Гуля и гладила огрубевшей ладонью чужие стены. Потому как своих стен не имела.

— Имела, — бубнила, — только сто лет назад имела. Тыщу лет назад. Вечность назад.

И плакала глубоко в себе, где сердце и душу охраняют стены из потерь, боли и печали... Плакала не подавая виду.

— Всегда улыбается и «здрасте» скажет, и поможет, — расхваливали Гулю в поселке. — А уж как квартиру преобразит, когда обои поклеит, — глаза приkleятся не отклеятся, волшебница одним словом Гуля, золотые руки...

А откуда такая золотая волшебница взялась в поселке никто толком не знал.

Знали, Гуля беженка. Но вот откуда: с Азербайджана, Казахстана, Арменистана, может, с Украины?

Начальник ЖЭКа отвечал коротко, потому как сам не знал:

— Оттуда!

Резко, грубо, недовольно, будто гавкая, пресекала любопытство посёлковых. На этом и успокоились, — вот и хорошо, что оттуда. А-то ведь и не оттуда могла быть.

Гуля — беженка оттуда.

Начальник любил таких работников из ниоткуда с сомнительными документами, прошлым, репутацией...

— За копейки согласны работать, — лоснящиеся щеки блестели пуще прежнего, готовые, вот-вот взорваться маслом, кровью, жиром.

Но не взрывались.

Гуля получила заказ поклеить обои в комнате общежития. Заказ получила в аккурат на Пасху, так и пришла к клиенту в тот же день.

Корниенко Игорь Николаевич — прозаик, драматург, художник. Родился в 1978 году в Баку. Лауреат многих литературных премий, в том числе премии В.П.Астафьева (2006), драматургического конкурса «Премьера 2010», литературного конкурса им. Игнатия Рождественского (2016), Шукшинской литературной премии (2019). Живет в Ангарске.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2020, № 6.

Из комнаты номер 22 — рев музыки, пьяные голоса, звон стекла.

Гуля закрыла себя стенами век, сомкнула стены вокруг сердца и души, — окружила стенами себя, тихо постучала.

Музыка вспыхнула взрывом, голоса пьянее, оглушительнее зазвенело стекло.

Гуля открыла глаза.

Постучала громче, смелее, толкнула дверь, дверь приоткрылась, поползла по инерции дальше, распахнулась.

В нос ударил резкий мужской пот вперемешку с застойным перегаром, в глаза — голая, непривычно белая спина мужчины, исхлестанная неумело набитыми синими татуировками.

«Или это шрамы?» — ёкнуло, но Гуля не отступила, Гуля улыбнулась исполосованной спине и сказала настолько громко, насколько смогла:

— Здравствуйте, мужчины!

Спина обернулась волосатой тощей грудью, лицо — желто-коричневый контраст спине, — сраженное злоупотреблением алкоголем и табаком, ничего не выражало. Гнезда глаз, впалые щеки, изъеденные по молодости оспой, тонкие губы показали гнилые зубы:

— О-о-о! — длинные, обвитые жилами виноградных лоз руки хозяина выключили музыку, выстрелившую из черной коробки на столе между бутылками водки, тарелками с салатом и разбитыми вареными яйцами, эти руки потянулись к женщине: — Христос Воспресе!

Собеседником, сидящим напротив мужчины, оказался совсем не мужчина. Собеседник, за которого хозяин сам и говорил, и отвечал, и задавал вопросы, делая голос пискляво-противным, была потрепанная резиновая женщина в парике блондинки и когда-то белом медицинском халате.

Раскрытый рот надувной женщины пугающей пустотой смотрел на гостью.

Гостья не отступила. Гостья сказала:

— Я Гуля, обои вам поклеить пришла.

Мужчина отрыгнул и будто прорезвел:

— Нехристь, что ли?!

Гуля ответила:

— Воистину Воскрес!

Хозяин одобрительно сжал кулак, потряс им:

— То-то. Вижу теперь, что не нехристь. Это они да бесовские отребья всякие не христосуются и в святой праздник работу работают. Когда сказано же, раскудрить ерыгу, русским языком говорено, радоваться воскресению Христа надо, а не это...

Заказчика зовут Грихой, Григорием, знала Гуля. В подробности посвятила малярша Светка Спиридонова, местное «би-би-си»:

— Он, значит, в давнем разводе, а может, и не был никогда женат, а может, и есть где отпрыск какой, тут тайна покрытая мраком, как и то, на каких войнах Гриха-Григорий этот, значит, воевал. Афган, Чечня — это точно, Карабах под вопросом, Донбасс маловероятно, хотя кто знает. Кто шепчет, с войн этих нетрадиционным он, мол, вернулся по частиекса, по мальчикам, по солдатикам то бишь, а кто говорит, наоборот бабником-лядуном, да таким неистовым, что одно время на каждую юбку быком бросался, и плевать, какого цвета юбка была. Лет на вид за сорок, но и не факт, что не под пятьдесят. Ты, Гуля, разузней у него хоть чё и мне сразу по секрету.

Получив «исчерпывающую» информацию, Гуля клятвенно пообещала, что сможет — разузнает, а то ведь не отстанет Светка-бабиси, язык без костей...

Черноокая, черноволосая, хотя волосы и спрятаны под косынку, только Гриха кровь из носу уверен, что волос смоляно-чёрный, изящная женщина, смотрящая — не моргнет — в глаза, ему не понравилась:

— Кукольная какая-то, — отвернулся к своей Клаве — она же Бл...а, Соска, Шмара, тетя Мотя — и сказал тонким голосом за резиновую собеседницу: — Чё это она приперлась в такой день-то? Трезвая еще, а на часах час дня уже как.

— Я ненадолго, замерить, посмотреть, что да как... На глаз. Минутки на три... — выпалила Гуля, намётанно осмотрела полупустую, стол два стула, комнату, ободранные стены; стены на удивление ровные, без сколов и ран; увидела рулоны обоев в углу: — Вы обои, вижу, купили...

Матюгнулся Гриха, спохватившись, ойкнул, постучал звонко ладонью по тонким губам:

— Купили, агась, раскудрить ерыгу, попросил соседку-дуру купить обоев, она их под себя, дура, и купила, в цветочек алеинский, теперь буду на лугу жить, в раю, мать, — налил в новую нечистую рюмку водки, протянул Гуле.

— Спасибо, только я не пью.

Гриха поперхнулся:

— Спаси и помилуй, — перекрестился и выпил. — Чтоб с такой жизнью и работой еще и не пить — это уже не диагноз, это клиника.

И писклявым голосом:

— Сразу видно, не наша. Да и баба при том, как те, ну, которых, ты помнишь, это самое...

И хриплым басом:

— Заткнись, сука! Заткнись!

Вздрогнула Гуля от этого неожиданного, неподдельно истошного вскрика, торопливо, но без дрожи в голосе отчеканила:

— Клей для обоев я свой сделаю, принесу, намешаю, склеивает насмерть, не оторвete, если даже захотите, ни в век. Завтра, с понедельника, начну работу и за два дня управлюсь. Хорошего праздника вам.

Вышла, не давая и шанса ни хозяину, ни его кукле возразить. Для Гули самое главное — работа, качественная, за которую не стыдно, работа на совесть.

Все, что делаешь, делай как для себя. Как для Бога делай!

А за закрытой дверью крик:

— Ты ничего не знаешь о той моей жизни! Вот и заткнись, тварь! Я таких, как ты, голыми руками душил! Штыком дырявил! Гнида ты крашеная! Мразота надущенная! Заткнись!

Гуля не побежала, что сделала бы любая женщина не задумываясь, Гуля закрыла глаза, выдавила из себя весь воздух и увидела, как острове тело штык-ножа пронзает ее кукольное тело насквозь. «Нехристъ». В сердце и глубже, и дальше, и ночью, во сне, этот же штык-нож, примкнутый к автомата, кромсал голое, оскверненное тело Гули, распластанное на пожухлой траве родной земли, кромсал до кроваво-чёрной каши.

Привыкшая к кошмарам, она не проснулась, укрытая стенами сна, она возвращалась в детство, во время, когда была самой собой, настоящей, любимой, живой...

Приду к десяти, решила Гуля, пускай проспится хозяин. Приготовила клей из муки, для крепости, уже перед работой, добавит в раствор немного ПВА. Валики сложила букетом в ведро, туда же отправился канцелярский нож с рулеткой, ножницы, губки, тряпки... Подвязала вороной волос темно-зеленой косынкой и пришла чуть за девять, ноги сами понесли мимо ЖЭКа к дому заказчика, к общежитию.

— Раньше начну, раньше закончу, — сказала резиновой Клаве. Сдугая, голая, без парика и халата, она валялась неприятным моллюском на голом матраце, кроме нее, в комнате никого.

Гуля убрала со стола, стол с табуретом и стулом, матрац вынесла в коридор. Укоризненно наблюдающую куклу свернула в абстрактный ком, приткнула на подоконнике к черной музыкальной коробке и ополовиненным бутылкам.

Вымыла пол, протерла и только потом развернула рулон многослойных, плотных обоев, вернула из коридора табурет, работа забурлила под прицелом подведенного синими тенями глаза собеседницы хозяина комнаты № 22.

Хозяин объявился в начале второго рулона.

— Раскудрыть ерыгу, — выплюнул, булыхаясь в дверном проеме. — Я ж тебя застрелию, — с трудом ворочал язык. — Я ж вас таких знаешь сколько укошил? Знаш?.. Я их еб...л, отец на Чёрном их контузил. Да, говном буду, я четыреста женщин зарезал. Не меньше, — и как подрезанный рухнул в рулоны обоев.

Гуля посмотрела с табурета на тело внизу, неживое, грязное, вонючее тело. И впервые за многие годы сказала, сказала вслух, сказала на своем родном языке одно слово, но быстро поправилась и уже по-русски, громко на всю тишину комнаты:

— Свинья!

Что-то из невозвратного всколыхнуло душу, пробежало мурашками по коже, кольнуло сердце иглой верблюжьей колючки, щемящим запахом полыни наполнилась комната, цикадным жаром августовской степи... Гуля сняла платок, вытерла пот с лица, спустилась, села на табурет.

Иногда стены пропускали ветер минувшего, свет и тьма прошлого проникали сквозь бетонную кладку, и Гуля-гора сдавалась слезам, сдавалась, вот и сейчас уронила голову в платок, заплакала, заплакала тихо, беззвучно, и лишь резиновая Клава стала свидетельницей этой минутной слабости. Минута, и вновь скалы стен и горные хребты опоясали, спрятали, защитили беженку оттуда. Гуля спрятала волосы, завязала платок, поднялась.

Гриха громко хрюпал, распластавшись на полу морской звездой, знаком окончания работы. Гриха ворчал в пьяном сне, снова и снова убивая и погибая. Гриха скрипел зубами, стонал, кричал. И крик его ранил. Резал. Крик убивал.

Гуля закрыла уши руками, крик крошил стены, нечеловеческий крик загнанного, агонизирующего животного, для которого все кончено, покрывал стены паутиной трещин, стены дрожали, стены кричали, отзываясь на крик эхом. Гуля долго не решалась переступить через кричащего, свинья обрела человеческую форму, тело — судьбу, прошлое...

Снова закричал, и Гуля решилась, закрыла глаза и в темноте пугающей, страшной присутствием непоправимого, переступила слепо через человека. Вслепую выбежала из комнаты под умирающий вопль:

— Убью-у-у-у!

Вспомнила, что забыла на подоконнике оставленные на хранение резиновой Клаве связку ключей и сотовый. Это значит возвращаться в крик. Возвращаться в боль раненого... Переступать через кричащего — это ли не преступление?! Предательство?!

Наисмертельнейший грех?! И стены ходуном, танец смерти, а делать нечего, без ключей ей не попасть в дом, Гуля снова закрыла глаза, выдохнула. Темнота за веками, другая темнота, сотворенная тобою, она может как погубить, так и спасти, все зависит от тебя, — если пять минут назад эта темнота пугала и не терпелось распахнуть глаза, то сейчас тьма помогает вернуться в комнату, где крик и плач, и скрежет зубов, помогает идти вперед, не глядя, под защитой мрачных стен...

По памяти, выставив руки, высоко поднимая ноги и шагая через невидимые препятствия, прошла до подоконника, пальцы коснулись окна, Гуля приоткрыла щелочки век, ключи и телефон перебрались в карманы ветровки.

Гриха откатился к стене и теперь кричал в бетон. Стена терпеливо слушала, стена принимала все в себя, стена поглощала человеческий вопль и боль, и пьяный бред...

Грихе снилась война, она снится ему последние двадцать пять лет. Трезвый он, под алкоголем или совсем в хлам — неизменно снится война, войны, спаянные воедино в огромный кровавый треш, абсурд, бесконечный и беспощадный, где вместо людей оторванные части тела и крики женщин — песнями сирен заманивающие на растерзание... Вместо птиц — пули, вместо листьев на деревьях — лезвия ножей... Гриха кричит, кричит все двадцать пять лет и никогда не просыпается.

В трезвой реальности, что редкость, Гриха сознается:

— Сны — награда за прошлое, мои ордена и медали. Все мертвцы — снами мстят своим убийцам. Иначе никак, только так, через сны... Это невидимая война, которую убийцы проигрывают по умолчанию. Потому как не убий! Я умру во сне, чуйкой чую, вижу себя с закрытыми глазами, бездыханного, кратковременный сон станет сном вечности... Я готов. Хоть сегодня. Хоть сейчас, — Гриха демонстративно складывал руки на груди, крест-накрест, закрывал глаза, но тут же открывал, — внутренняя темнота чудовищна, и в сотни, тысячи раз ужасней темноты внешней.

Гриха выдыхал:

— Не, хочу умереть с открытыми глазами. Умереть со светом!..

Гуля шла с сомкнутыми веками, считала шаги, на третьем шаге она поднимет ногу и сделает широкий шаг к двери, на всякий случай, если Гриха вновь решит откатиться на середину комнаты.

Тишина зловещая, страшнее крика, с тишиной, убеждена Гуля, приходят перемены не в лучшую сторону. В тишине она покидала родину, ни оклика, ни всхлипа... ни вздоха. Беззвучно перечеркнула прошлое... Тишиной распяв, разбив, развеяв себя истинную...

Тишина парализовала, и Гуля не сразу поняла, что Гриха схватил и крепко держит ее за щиколотку.

Тишина заговорила пьяно, едва разборчиво:

— Я выпотрошу тебя и съем твои кишki сырыми, поняла меня ты?! Думаешь, сегодня выжила и завтра получится?! Не получится! Вы Сашку моего убили, голову отрезали, теперь пришло время резать вас. Слышишь, сука черномазая?! Иди и передай своим, я для вас сюрприз подготовил... Я вас всех за Сашкиной головой отправлю! Пошла!

Пальцы освободили ногу, только Гуля не пошевелилась.

Произошло это все сейчас, на самом деле, в реальности солнечного апрельского дня, или все это ей представилось? Почудилось, привиделось?..

Гуля открыла глаза.

Гриха хранил, уткнувшись в голую, залатанную тут и там свинцовой штукатуркой стенку.

И кожа на щеколотке горит, кожа покалывает, кожа пульсирует...

Нагнулась Гуля к спящему, окунулась в ядовитые пары застарелого перегара, прошептала на ухо:

— Я выпотрошу тебя и съем твои кишечки сырьими, понял меня ты?!

Гриха в ответ протяжно и тонко заскулил...

— Завтра приду рано, часов в восемь! — громко закончила Гуля и прикрыла плотно за собой дверь.

Светка-бабиси караулила возле подъезда, весь день мечась между ЖЭКом и домом, где жила Гуля:

— Фуф, думала проворонила, — выпалила, побегая, на одном дыхании. — Ну чё он там? Как? Не пристает? Пьяный, поди, в хламину, вот и не пристает. Дрыхнет, наверное, и не помогает. Я так и думала. С Грихой кашу не сваришь, контуженный же еще... Говорят, в голову раненый, зачем тебе такой мужик нужен?

Гуля успевала только кивать и поддакивать.

— Чаем ведь даже не напоил, угадала же я? Не напоил ведь?! Я этих кобелей нас kvозь вижу. Ты, главное, ухо востро держи и в спецовке работай, никаких юбок, ну и если что разузнаешь, не забудь уж подругу. Я же от искреннего желания помочь стараюсь. Глядишь, и присмотрю тебе какого мужичка. Одной ведь тяжело. Как никто понимаю... Гриха вон тоже один, но какой из него муж? Ни возраста, ни прошлого, ни полиса, ни медицинской карты... Комната в общаге, да и все тут, как у латыша — хер да душа, — хотела Светка, перевела дыхание. — Да и злой он, жестоко-нервный, не в себе, руки распускать, колотить тебя будет, ну на кой он такой нужен?! Его как-то Чеченцем всё кликал, так одному пареньку за этого «Чеченца» он рот порвал. Да-да, как есть порвал, сама видела потом эту жуть. Стреляный, короче, твой Гриха, его б в больничке полечить, а он бухает как не в себя, видать, забыть прошлые темные делишки пытается, да куда там, от прошлого никому не избавиться. Не убежать от того, что не исправить...

Гуля кивнула в последний раз, вздохнула.

Светка-бабиси спохватилась:

— Ох ты ж ёлки, заболтал этот Гриха, а у меня ж панели еще не докрашены, черт бы его побрал. Ты давай, Гуль, отдохай, завтра ведь снова к нему обои клеить, может, баллончик перцовый тебе дать, на всякий, с похмелья-то Гриха страшнее чёрта... Хотя, он этим баллончиком спиртагу свою занюхивает, тот еще мутант, дегенерат. А ты, Гуля, слuchаем не чеченка?..

Улыбнулась Гуля:

— Из СССР я, — и пошла к подъезду.

Светка ойкнула, прокричала вслед:

— Все мы беженцы из СССР! И жертвы! Жертвы Перестройки! — итише: — Гриха вон один чего стоит, как начал воевать, так остановиться не может. До сих пор воюет не понятно с кем. — И еще итише: — С собой, что ли?..

Этой ночью двум женщинам и мужчине снилась война.

И если одной женщине снились немецкие солдаты, от которых она пряталась в темном бомбоубежище, а потом под канализационным люком, и была точной копией радиостки Кэт из фильма «Семнадцать мгновений весны», то другой женщине и

мужчине снилась знакомая, пережитая война. Война на двоих. Как и сон. Мужчина и женщина видели один и тот же сон. Одну и ту же войну.

Заправленная с раннего утра до краев алкоголем действительность отбивалась от рук, становилась неконтролируемой, будто за него этот момент проживает некто иной, другой, чужой...

Чеченец?

Гриха избегает своего отражения, и зеркала в его каморке не водятся с возвращения из последней горячей точки.

— Зеркало смотрит в тебя настоящего, видит изнанку, заглядывает в раны, под коросты... В темноту твою. Отражает твой мрак. Твое прошлое... На хрен зеркала! На хрен прошлое!

По тому же адресу Гриха посыпал настоящее и будущее.

— Если нет прошлого, нет и не может быть никакого будущего!

И действительность шла на хрен дальше с каждым глотком алкогольного зелья.

Утро пялилось на Гриху аляпистой стеной, сотней глазастых алеинских цветочков.

Допивал остатки вчерашних злоупотреблений, разглядывал обновленную стенку, подходил к стене трогать обои, гладил, нюхал, прикладывал щеку, ухо... Гриха мог поклясться, что слышит ветер в цветах, словно он на лесной поляне, словно вернулся в детство, в дом бабушки среди леса, где он провел всего одно лето, самое счастливое лето. Новые обои пахли тем самым летом, пряно-сладким ароматом жарков и клевера, медом и бабулиной стряпней...

— И ведь ни одного пузыря, — снова и снова разглядывал Гриха обои, — ни морщинки, — обои делились с ладонями своим теплом, домашним, родным...

Дверь распахнулась раньше, чем кулак Гули коснулся окрашенного в белый цвет клеймённого двадцать вторым номером дерева.

— Признайся, что ведьма, — вывалился в коридор Гриха.

Гостья добавила градус, как на старые дрожжи, Гриха пьянял еще сильней с каждым словом, с каждой минутой:

— Я знаю этот взгляд. Эти глаза. Они снятся мне, снятся из ночи в ночь. Ты пришла отомстить мне! Нутром чую. За всех тех отомстить, таких же глазастых.

Раскрытая пятерня опасно приблизилась к лицу женщины, Гуля не моргнула, рассматривала линии на ладони, улыбнулась.

— Сделаю свою работу и оставлю вас в покое, — отодвинула руку от лица. — Осталось полторы стены поклеить, — Гуля прошла в комнату.

— Ты не победишь в этой войне! Поняла?! — Гриха попытался резко развернуться, не получилось, допитая водка потянула к полу, Гриха схватился за открытую дверь, повис. — Вы всегда проигрываете. Всегда. И обои ты, бля, коряво приклеила, вверх тормашками. Не видишь, что ли, ослепла?! Переклеивай!

Стены, с Грихой они не выдерживали, давали трещины, сотрясались, крошились... Его слова, голос, интонация... как удар штык-ножом, автоматная очередь, как избиение, надругательство, как распятие...

— Я пропащий, война всех делает пропащими. Мне нечего терять. Я один. Один в поле воин, — проникал пьяный бас сквозь стены Гулиной крепости. — У меня для всех подготовлен сюрприз. Подарок с войны. Война раз начавшись, уже никогда не закончится. Только смертью. Полным, тотальным уничтожением, мать вашу! Война — это я!

Отрыгнулся Гриха. Гуля расстелила полотно обоев, размешивала свежеприготовленный клейстер. Гриха говорил, раскачиваясь на двери:

— Хочу сдохнуть в комнате с новыми обоями, поняла меня?! Я твоему Горынычу, начальнику, десять штук заплатил. Купил тебя, епта, как смертницу, чтоб одному не подыхать тут... Ты наш гроб украшаешь, ясно теперь?! Конуру на тот свет... — Засмеялся Гриха, закашлял, сплюнул себе под ноги: — Я так скажу, в Месопотамии, чтоб ей обосраться, археологи как-то раскопали древнее кладбище. И знаешь, чего они нашли? В одной гробнице вместе с покойником было еще три тела, так называемые сопровождающие, но это еще цветочки, ягодки обнаружились в другом захоронении, там было уже семьдесят четыре сопровождающих, пораскинь мозгами. Вместе с хозяином на тот свет отправили целый штат прислуги, понимаешь, о чём я?..

Гуля привычно свернула отрезанную ленту обоев, забралась на табурет. Гриха снова засмеялся, закашлял, сплюнул:

— Ну конечно, не понимаешь, куда тебе. А всё просто как дважды два, раскудрить ерыгу. Слышишь?! Всем нам нужен сопровождающий! Вот и все тут. Мы все, мать твою, сопровождающие друг друга, сопровождающие по жизни и после смерти сопровождающие. Застрявшие в грёбаной Месопотамии. Погибшие. Проигравшие...

Смех — резкий, дикий, пугающий вырвал лист из рук Гули, она потеряла равновесие, сорвалась с табурета обеими ногами на бумажную гору, под ядовитый взгляд резиновой Клавы на подоконнике. Гриха издал победный клич, в пару шагов подскочил к женщине, вырвал из-под нее испорченную полосу, скомкал, бросил под ноги, наступил, прыгнул, и снова прыгнул, и еще...

— Вот тебе! Получай! — разлетались слюни по комнате. — Вот так! В грязь, в сопли, в кровь, в гной!..

Гуля отступила к окну под истеричный хохот сдутой куклы для развлечения. Под ботинками хозяина двадцать второй комнаты была знакомая из сна кровавая каша. Была она...

Гуля закрыла глаза, кровь хлынула стеной, Гуля бросилась слепо в ноги мужчине, отпихнула Гриху, мужчина смеялся, пялясь к двери, повторял:

— У меня для всех вас подарок. Сувенир из горячей точки. Я вас всех уничтожу, сотру с лица земли. Всех. Всех взорву. У меня для всех вас подарок. Сувенир...

Гуля схватила грязный липкий комок обоев, прижала к груди, между пальцев кровью сочится теплый клей, бумага на ощупь как кожа, пульсирует, бьется умирающим сердцем.

Гуля шепчет, шепчет, что все хорошо, что все наладится, образуется, забудется... Шепчет не задумываясь, машинально, инстинктивно шепчет, шепчет на своем родном языке.

Гриха сообразил только поздно вечером, после хорошо принятого на грудь энного количества пива, что малярша из ЖЭКа, эта чернявая профи по обоям, говорила на тарабарском.

— Вот сука! — выкрикнул.

— Сука, еще какая, — поддержала надутая наполовину Клава, обреченно свисая с подоконника.

— Это знак конца... Она нашла меня. Война. Через столько лет Афина пришла под предлогом поклеить обои, чтобы поквитаться со мной!..

Клава утешила:

— Ты ведь не сдашься так просто, ведь так?! Ты ведь дашь бой? Приготовишь подарочек? Маленький сюрприз с большими последствиями...

Кукла и человек дружно в унисон рассмеялись.

— Заслужила потаскушка глоточек, — хрюкает Гриха, вливая в широко открытый до безобразия рот крепкое пиво из пластиковой баклажки.

— На хрен Афину!

— На хрен Месопотамию!

Травяной чай с мелиссоидом успокоил. Гуля в сотый раз открыла на кухне кран, в сотый раз вымыла руки в дымящемся кипятке, бордовые, опухшие пальцы-кардильки, завтра они откажутся ее слушаться. И в сотый раз Гуля твердит:

— Все хорошо. Все наладится. Все образуется... — говорит и не верит.

Вера не помогла ей в детстве, не спасла, с тех пор Гуля верит только в себя, в сотворенные ею стены, за которыми нет места вере в высший и справедливый суд.

— Суд творит не бог. Приговор и меру пресечения выносят люди. Мы — это суд. Я — суд и приговор! Я — казнь!

Произнесенные в тесной кухоньке слова ложатся успокоительной мелиссоидом на сердце и душу.

— Я — суд! Я — приговор! Я — казнь!

Не всегда справедливый, зачастую подкупный, подставной, эгоистичный... но суд творят люди. Творят люди. Не боги. Мы все суд друг другу, приговор и казнь. Гриха прав, мы все сопровождающие друг другу. Ведущие друг друга на эшафот, на расстрел, электрический стул, заклание... На распятие.

Руки с чугунными гилями-ладонями не дают провалиться в сон, мысли о суде людском — «и Судный день сотворит человек, не бог» — шумят горной рекой. В детстве Гуля мечтала умчаться вместе с течением холодной реки туда, где море, посмотреть, что там? как там? И вернуться. Обязательно вернуться. Вернуться домой. Потому что нет лучшего места на Земле, чем дом, стены которого охраняют, греют, спасают и берегут тебя с первого твоего дня на Земле.

Дом Гули рухнул в первый час войны. Стены не устояли, не уберегли.

Гуля, девочка с большими распахнутыми глазами, запомнила лицо солдата, его голос, смех; солдат смеялся, протыкая штыком-ножом, прикрученным к автомату, всех выживших после бомбейки и мертвых... Солдат острял, шутил, будто не он, не его руки вершат суд, будто автомат со штыком-ножом обрел душу, обрел силу действовать по своей воле, вне ведения человека, получил право карать, право убивать...

Маленькая Гуля закрыла глаза, чтобы не видеть, как поменяла цвет вечно чистая, лазурная, прозрачная горная речка.

Темнота стала красной, солдат-шутник схватил Гулю за волосы, густые черные кудри по пояс, потащил к реке. Кричал, чтобы она открыла глаза и посмотрела, посмотрела, что натворила! Что из-за нее все так случилось, и что она во всем этом виновата! В смерти родных, в смерти соседей... Она связала эту войну! Она и есть война!

Гуля лишь крепче сжимала веки, веки каменели...

Солдат выбросил тело Гули под вечер, истерзанное, свернутое в кровавый ком тело приняла река, запачканные воды унесли Гулю к морю и дальше, и дальше... Унесли в страну невозвращения. В страну забвения. Страну стен...

Скомканную, слипшуюся, раздавленную массу когда-то бывшей полоской бумажных обоев, Гуля принесла с собой, долго расправляла спрессованный ком под утешительное бормотание, спасла кусочек, спасла два алеинских цветочка в ореоле зеленых веток. Такие же цветы росли повсюду вокруг дома и по берегу горной реки. Гуля взяла спасенные цветы на клочке обоев с собой в постель, спрятала под подушку с надеждой вернуться во время цветущих алеинских цветов, вернуться и остаться.

Вернулась Гуля в съемную квартиру, вырванная из тревожного полубреда со взрывами и бомбажкой, настойчивым жужжанием сотового телефона.

Звонила Светка-бибиси, Гуля ответила решительно, первая, без приветствия, без запинки, не давая собеседнице вставить ни слова:

— Света, хватит уже думать о других. Позабочься о себе, о своих детях! Они нуждаются в тебе как никто! Ты нужна им! Подумай! А Гриха... его не надо ни ругать, ни жалеть... Он очень несчастный, раненый, погибший человек. И думаю, мы с ним нашли друг дуга, и все у нас получится!.. Думаю, мы сойдемся!.. Сольемся, как две реки в одно море...

Светка-бибиси не нашла слов.

Телефон Гуля оставила дома на подушке.

С собой взяла лишь кусочек обоев и ведерко со свежезамешенным kleem для обоев.

Дверь в комнату 22 нараспашку. Только Клава свисает с подоконника, на полу в центре комнаты запечатанная бутылка водки стережет обрывок обоев с посланием:

Пошел за сюрпризом. Тебе конец! Всему конец!

Гуля сказала, обращаясь к резиновой подруге хозяина:

— Очень хорошо. Кто не любит сюрпризы?! — сказала на своем языке, и кукла ответила на том же, на языке Гули, языке Гулиных предков... Ответила без запинки, словно всю жизнь на этом языке говорила...

Забыть можно прошлое, вычеркнуть из жизни людей, события, чувства... но не язык. То, что вечно связывает тебя с Родиной, навечно с тобой, твоё в слезах, в дыхании, в крови!..

Интуиция, шестое чувство, предвидение... иногда ты просто знаешь, и все тут. Знаешь, что будет, что случится... до тонкостей, мелочей...

Иногда ты знаешь, что нужно сделать, и тебе не ведомо, откуда пришло это осознание. Но ты уверенно исполняешь то, что должен. Может, это то, что мы зовем проявлением высшей силы?.. Знамением? Откровением? Судьбой?..

Гуля могла бы повторить в точности, слово в слово, что скажет, вернувшись из подвала, хозяин комнаты.

Гриха пьян и вновь крутит свою заезженную пластинку: о былом, о ненависти ко всем народам, нациям и странам, о зарезанных им собственноручно четырехстах женщинах, о врагах, нехристях, мести и о войне, которой нет конца, о любимом штык-ноже и, наконец, о сюрпризе:

— Я его такими окольными путями вез, через столько стран и городов. Столько лет хранил, таил, в надежде и ожидании... Хотя почему его-то?! Её! — крикнул, точно прозрел. — «Она моя», женский род единственное число.

Смеется Гриха, и стены дрожат от этого смеха. Смех прошлого над настоящим, над будущим...

Гуля развернула полотно обоев, от окна к двери, густо, неэкономно намазала kleem собственного приготовления — «склеивает насмерть, не оторвete, если даже захотите, ни в век», — так расхваливала она всегда свой волшебный раствор. Гуля рассмеялась следом за Грихой. Громче Грихи рассмеялась. На всю комнату, весь коридор, на всю общагу...

Смех Гули испугал, Гриха вытащил из-за пазухи сувенир, подарок войны, закричал:

— Заткнись, сука! Завали пасть! Знаешь, сколько я таких, как ты, поубивал! — Замахнулся обещанным, драгоценным сюрпризом — ручной гранатой с тяжелым рубчатым корпусом, ласково прозванной Грихой «черепФэшкой»: — А! На хрен всё! Мне нечего терять! Я положу конец войне! Своей войне! Понятно тебе?! Думаешь, я тебя не узнал? Думаешь, не знаю, кто ты?! Сука драная! Не добил тебя там, тогда! Добью здесь и сейчас! На хрен Афину! На хрен Месопотамию!

Стены, охраняющие сердце и душу, рухнули, нет больше места для стен. Стены разлетелись в камни, в песок, в пыль... Гуля, Гуля-гора бросилась к Грихе, схватила руку с гранатой, притянула к себе, обняла. Сплетаясь виноградными лозами жил и вен... Прижалась губами к его губам, проглотила его крик, его стон, его боль и ненависть... его войну.

Ее первый поцелуй, ее первые настоящие объятья с чужим человеком. Ее первый танец... Гуля вела... Пара закружилась по комнате, пара рухнула на пол, на расстеленное полотно обоев, и на полу пара продолжала кружиться в безумном танце, танце-сражении, танце последней битвы, танце последней войны. Заворачиваясь, свертываясь, склеиваясь намертво в кокон, в единое целое...

Губы спаяны с губами, как душа в душу. Между ее сердцем и его — металл гранаты. Гуля вела. Гуля завернула их с головы до ног в плотный ковер из луговых, алеңьких цветов.

У них на двоих один и тот же шум в ушах, в сердцах, в душах... Так шумит лазурная горная речка где-то далеко на другом конце света.

Река возвращала пару туда, где они были и будут счастливы.

«Домой», — верила беженка *оттуда*. Растворяясь в шумных водах.

«Месопотамия», — знал Гриха из двадцать второй комнаты. — «Потому что все мы сопровождающие...»

Громадный рулон обоев в цветочек какое-то время шевелился, дышал, за ним с любопытством наблюдала резиновая кукла с подоконника.

Клава, потерявшая голос и хозяина, окаменела ближе к вечеру, всё в комнате окаменело, застыло в ожидании взрыва.

Только взрыв, как и ожидание, победили цветы. Цветы победили людей, победили металл, победили время. Они проросли сквозь бумагу обоев свежей зеленью и вскоре распустились, зацвели алым, в точности такие, что растут вокруг разрушенныхвойной домов и у рек, чьи лазурные воды несут тебя к морю и дальше, и дальше...